

Юрий Юрт

Великий ужас с Планеты Песков

Художник Е. Силлина

Детективная история, состоящая из вступления, заключения и собственно истории

ФАНТАСТИКА

Вступление, которого могло бы не быть, если бы автору не платили по пять галактических шестипенсовиков за строчку

— Приключилось это... — Фоксельтас Свиттер отхлебывает из кружки, морщится и продолжает, — когда я жил на одной довольно-таки далекой планете.

— Какой именно? — интересуется любопытный Маруко, робот-штамповщик.

— Не порть историю! — грозит пальцем Фоксельтас. — Назвать планету дело нехитрое. Но надо ли? Ведь наверняка скажешь — мол, на соседнем астероиде жили твои дед и бабушка, ты гостил у них каждое лето и прекрасно знаешь, что это вообще не планета, а спутник-шпион, лишенный атмосферы. Мало ли что тебе в голову придет соврать. А вранья я не люблю.

— Нет, давайте разберемся, — начинает Маруко.

— Я еще и с тобой до конца не разобрался, — отмахивается Фоксельтас, накладывая в тарелку сырники, прямо в белое озерцо сметаны. — Ты, Маруко, кто? Штатпуешь роботов? Или, наоборот, ты робот, который что-то штампует? Что это вообще за дурацкие слова «робот-штамповщик»? Кто их придумал? Так что молчи.

Зал одобритительно гудит. А кто не может гудеть, тот из всех сил подмигивает Фоксельтасу всеми лампочками корпуса — дескать, давай, гни свою линию, мы слушаем, а некоторые даже записывают.

В едальне всегда весело. Поутру здесь то и дело выматывают из-под столов чьи-то детали и чьи-то зубы. На прошлой неделе через черный ход вынесли на уносилках обломки, и было страшно смотреть, как волочится по земле белесая перфолента, разматывающаяся в раскроенном титановом черепе. Но все равно все приходят сюда каждый вечер. А кто не может ходить, тот приползает или прилетает. Или даже прибегает по проводам и слушает беседу, не выходя из розетки, что в едальне-говорильне не запрещено.

— Ну так вот... — торжественно начинает Свиттер. — Как известно, если кто и не способен к разного рода вранью и жульничеству, так это хозяева маленьких, пыльных антикварных магазинов на дальних планетах и безвестных астероидах. Кристально честные люди. Иначе, согласитесь, магазин их был бы побольше, почище и поближе к Солнечной системе! Куда податься бедному, порядочному человеку с его-то умом и дарованиями в наших-то галактических дебрях?! — И Фоксельтас ударяет кулаком по столу.

Тот обиженно переступает с ноги на ногу. На столешнице тут же проступает синяк, и Фоксельтас смущенно прикрывает его салфеткой.

— На-а-адо же! — говорит робот-штамповщик Маруко.

— Мы-то думали, что вы — знаменитый сыщик, а вовсе не хозяин маленького антикварного магазина.

Фоксельтас Свиттер с минуту молчит. Потом качает головой.

— Вот из-за этого самого Маруко, дорогие друзья, — разводит руками Фоксельтас, — вы так и не услышите сегодня знаменитую историю о пропавшем Алмазе Антиквара с Астероидов.

Зал встревоженно гудит. Маруко укатывается куда-то под стол, уворачиваясь от лап, ног и клешней. Наконец затаивается в самом дальнем углу и даже включает аварийный маячок: видимо, от чьей-то лапы увернуться не удалось.

— Ничего, — говорит Фоксельтас и придвигает к себе сковороду с гигантской яичницей-глазуньей, — я расскажу что-нибудь другое. Например, про Великий ужас с Планеты Песков. Это тоже вполне себе поучительно.

История, рассказанная Фоксельтасом Свиттером, в то время как робот-штамповщику Маруко вправляли новые мозги

— В свое время, лет десять назад, я очень любил завтракать, обедать и ужинать. Искренне любил, по-настоящему.

У нас, на астероидах, много нынче развелось людей, которые едят только для того, чтобы показать: да, мы гуманоиды, мы не из тех, кто занимается фотосинтезом по темным углам. Вот отбивная, а вот следы наших зубов на ней: ровно тридцать два, и это только в верхнем ряду.

Я же ел потому, что не мог не есть. И с привычкой этой и не думал бороться.

Каждое воскресенье я садился на вездеход-всепогодник и отправлялся через пустыню к ближайшему магазину. За едой. Для себя и для вездехода. Он соглашался работать за место в гараже, бензин и еду. Хотя, конечно, верил, что доживет до счастливых времен, когда и вездеход-всепогодник, и карета класса люкс станут равны в правах и обязанностях, как это было во времена старые и добрые, до прилета землян.

— Или не доживу, — мрачно сказал вездеход, глядя на бесконечную череду седых барханов.

— Что? — спросил я.

— Кажется, мы заблудились, — охотно пояснил вездеход. — Что-то, а здешнюю дорогу я знаю. На повороте от заброшенной водоканалки к бурому камню должен стоять домик лесника и расти два куста саксаула. А что мы видим вместо этого? Покореженный космический корабль. Вывод прост и очевиден: мы заплутали в песках и погибнем, так и не дождавшись счастливых дней.

Я надел очки и огляделся. Действительно, на холме возвышалась огромная сверкающая машина, космический

корабль. Венерианский, судя по иллюминаторам. И покореженный, да. Как будто в тот момент, когда юнге вздумалось закурить, на борту был груз тротильных шашек и тротильных же шахмат для марсианского казино. Такие случаи бывали.

Я призадумался.

И тут у меня в кармане запищал телефон.

— Котонозо н Фоксельтас? Спараюки марсиано? — топлоливо прокричал кто-то в трубке.

— Нет! — ответил я довольно-таки резко. — Не спараюки.

— Поксольдотто н, котонозо Фоксельтас! — извинился незнакомец, но тут же продолжил вопить мне в самое ухо: — Но тобортотто-кз венериан спейсшип. Исотогото кээс-того! Катострофо, котонозо Фоксельтас! Ксиолотонда! Соторопого галактические шиллинг фо котонозо Фоксельтас!

И нас рассоединили.

Да, такова она, марсианская телефонная сеть — астрономы древности, помнитса, принимали ее кабели и вышки за гигантские каналы, прорытые на поверхности планеты.

— Ну же, всепогодник, поехали! — радостно закричал я. — Кажется, звонили из города. Предлагают распутать дело о крушении корабля и обещают за это деньги и славу!

— Никуда я не поеду, — огрызнулся вездеход, — пока мне не выдадут предельно точные координаты нашего местонахождения. Например, далеко ли мы от водокачки? С какой стороны бурый камень?

Я засмеялся. Вообще, я бываю довольно весел первые несколько дней после того, как мне говорят что-то насчет «соторопого галактические шиллинг». Такова моя натура.

А вездеходу, конечно, все равно. Потому что, когда вездеход-всепогодник и карета класса люкс станут мирно пахать поля вместе с бороной и комбайном, даже и слово такое, «галактический шиллинг», будет забыто.

— Знаешь, почему я самый удачливый сыщик в этом участке галактики? — спросил я всепогодника, поправляя седло. — Потому что отлично знаю человеческую натуру. И так же хорошо разбираюсь в природе вещей. — Я отряхнул серую пыль с красной попоны вездехода и взялся за стремяна. — Если космический корабль должен куда-то упасть, то он упадет непременно на крышу твоего нового дома. А лесник как раз на прошлой неделе закупал черепицу, кружевные занавески и коврик с надписью: «Добро пожаловать». Вот и сработал коврик. Сработал.

— Голословно, — заметил вездеход.

— У левой нижней дюзы звездолета любопытный путешественник может заметить два примятых кустика саксаула, — голосом экскурсовода-любителя проговорил я. — И также любителя старины не оставит равнодушным висящий на антенне отражателя сапог. Такие сапоги были чрезвычайно популярны у лесников данной местности, со времен Пескожила Великого и до наших дней. Таким образом...

Но договорить мне не удалось.

По лиловому небу с тревожным воем промчался метеорит не метеорит, но какое-то небесное тело, охваченное огнем. Промчалось и рухнуло куда-то за дюны. И сразу по ногам ударила волна тепло воздуха, так, что шнурки ботинок с минуту плясали, обвивая щиколотки, будто норвили, испуганные, вскарабкаться наверх и укрыться за пазухой.

Я ойкнул и уронил очки.

А вездеход поступил и вовсе неподобающе: рухнул на песок, откинул метра на четыре копыта, пустил изо рта

струйку бензина и сменил цвет с жизнерадостно-красного на трупно-серый. И тотчас же нагрянули барханные мухи — вездеход умудрился послать каждой из них, дремавшей себе спокойно в норе, мнемодиаграмму: «Свежий труп быстрогого повозки. Спешите к кустам саксаула. Доброжелатель».

— Это инстинкт, — чуть позже оправдывался он, — ничего не попишешь. Вы, может, всякому метеориту рады, как собственной матери. Вот, кричали что-то соответствующее. А я, признаюсь, струхнул.

— Н-ничего, друг, — сказал я, нашаривая в песке очки, — страх — естественное чувство. Хотя мне оно не присуще.

И мы с вездеходом отправились к дымящейся воронке, где должен был лежать наш метеорит не метеорит, но, во всяком случае, неведомое небесное тело.

Это оказался конечно же еще один космический корабль. Чуть поменьше первого, не такой нарядный: то есть без ложных дюз по бокам, да и иллюминаторы не в три ряда. Но корабль. Венерианский.

Судна этого класса я отлично знаю. Они предназначены для перевозки скота и перелетов в сельской местности. Никаких марсианских особо ценных грузов. Простота и экономия. Я и сам прибыл на планету на таком.

Однако и этот корабль был словно вспорот изнутри. Будто что-то чудовищное только что вырвалось наружу из стального брюха и поселилось в окрестных дюнах.

Мы с вездеходом разом вздрогнули, и он опять чуть посерел и даже втянул в уши все пять флажков и посеребранный клаксон.

— Не замечаешь что-нибудь необычное или странное? — спросил я у всепогодника. Очки мои опять упали на песок, и я ничего не мог разглядеть, как ни шурься.

— Похоже на заброшенную нору пескожила, — заглянул в какую-то яму вездеход. — Я бы даже сказал, похоже на свежую нору пескожила. Но, как известно, пескожилы покинули эти барханы тысячи лет назад. Значит, я вижу хорошо сохранившуюся нору пескожила. Ей-богу, сам поселился бы там, будь я пескожил.

— Кстати, куда они исчезли? — Я протер очки замшевой тряпочкой и бережно водрузил их на нос. — Все собирался спросить, но как-то не было подходящего случая.

— Кто?

— Ну эти, обитатели песков?

— В свое время венерианцы предложили им какую-то работу. В один день все пескожилы снялись с насиженных мест и покинули планету, — охотно отозвался внедорожник. — Оставили ее нам. И правильно сделали! Хотя, конечно, есть что-то несправедливое в том, что добродушный победитовый червяк должен мчаться на край света только потому, что...

— Что там ему за каторжный труд заплатят пару-тройку жалких галактических шиллингов, — закончил я за вездехода. За долгие годы совместных путешествий я выучил эту фразу наизусть.

— Только потому, что венерианские караси не клюют на хлебный мякиш, — мрачно договорил всепогодник. — Другой причины не вижу...

Когда мы добрались до поселка, то на полдороге к магазину нас перехватил шериф.

— Никогда бы не подумал, что телеграмма дойдет так быстро! — сразу же закричал он.

— Телеграмма? — спросили мы с вездеходом хором.

— Да, я послал вам эту чертову телеграмму, — закивал

шериф, то потирая руки, то промакивая лоб платком. — Но поймите меня правильно, ведь был же и повод. Когда мне позвонили эти чертовы марсиане, я чертовски перепугался.

— Вы говорите по-марсиански! — Я сразу зауважал шерифа.

— Что вы! Совсем не говорю, — смутился тот. — Ну, так. Котобозо соторопого... Именно что соторопого. Не более. И самые, знаете, простейшие котобозо. Угадаете какие? Правильно. Спараюки марсиано не. Во как! Да еще слышно было очень паршиво. Но мне кажется, самое важное они сказали по-нашему. Помню, если дословно... — Шериф остановился и тревожно забарабанил пальцами по доске забора. — Позвольте... Хм-м-м. Вот, я услышал, что, мол, Каэс — того! К.С. — это мы так космическую станцию зовем. Космическая станция — того. Я страшно перепугался и сразу подумал, что речь идет о «Гуттенберге».

— И вы... — начал я.

— И я сначала немного полежал на веранде, потом выпил валерьянки, а потом побежал давать телеграмму. А когда я возвращался с почты и был от дома метрах, поверите, в ста, прямо на мой огород упала венерианская космошлюпка, прогулочная, класса облегченных, малогабаритных. Но самое страшное не это.

— А что? — поежился я.

— Из обломков корабля выползло что-то вроде огромного пятнистого ремня и укрылось в лопухах, — затараторил шериф, тревожно озираясь и пришептывая. — Никогда еще не видел такой ужасающей, прямо-таки зияющей дыры, уводящей в бездну. Она и теперь там. — Он указал в сторону зарослей едва заметным движением мизинца. — Только я туда, в лопухи, больше ни ногой...

— Дорогой мой копытный друг, — я повернулся к вездеходу, — кажется, уже сегодня нам придется возвращаться по нашим следам. Никаких ночевок в поселке. Как это ни тяжело, но придется порыскать среди барханов и дюн.

— Что мы там найдем, в этих песках? Пару живописных барханов? — тут же занял вездеход. — Тоже мне невидаль.

— Может быть, именно там мы отыщем разгадку этой странной истории, — отрезал я. — И наверняка — мой очешник. Я забыл его у второго космического корабля. Кажется, уронил в какую-то яму.

Вот вам и роль случайности в истории. Она, как мы сейчас убедимся, весьма велика.

Потому что в яме (или даже норе) у самого корабля, обвившись вокруг очешника, лежал гигантский пескожил, одетый в комбинезон венерианского космофлота. Впрочем, что-то подобное я и рассчитывал там увидеть, только не говорил вездеходу. И даже шлем-для-вождения-безрук снял, чтобы всепогодник не читал мои мысли и раньше времени не дрейфил.

— Как? Как вы здесь оказались? Что произошло? — засунул нос в яму вездеход.

— Вначале, — затынул червяк нараспев, — были только песок и пескожилы. И было это неплохо. Но потом появился Вечноголодный Нелетающий Спараюки, одетый в белые перья. Он преследовал пескожилов, Спараюки с алмазным клювом и бездонным желудком.

— Гордые пескожилы никогда не покинули бы планету ради горстки галактических шиллингов, — так сказал червь, посмотрев очень строго. — Но он нас преследовал.

ФАНТАСТИКА

Единственное спасение от Вечноголодного, это как можно глубже закопаться во влажный песок.

Естественно, это у нас в крови, хотя тысячи и тысячи лет не было и слуху о Прожорливом, Белопером.

Да, это уже больше, чем правило. Это наша природа. Натура. Нутро, против которого не попрешь.

Чуешь, что дело плохо, — зарывайся в грунт и вылезай, когда опасность исчезнет.

Никто не назовет пескожила трусом, не пожалев об этом весьма и весьма скоро, но есть такие вещи, которые... — Тут червь встопорчил надбровные щитки. Было слышно, как нервно постукивают в темноте норы гремучки на его хвосте. — Я как раз выводил корабль из гиперпрыжка, когда кто-то под самым моим слуховым оконцем сказал: «Спараюки!»

Конечно же, позабыв о плазменных рукавицах, я в ужасе поспешил закопаться. В пол своей каюты. Тут же провалился в трюм, продолжал рыть и там. А дальше — не помню.

Естественно, теперь-то я буду держать себя в руках, и впредь такое не повторится. В противном случае прошу принять мою отставку, — так сказал капитан венерианского космофлота, пожилой, суровый пескожил.

— Так во-о-от в чем дело! — догадался я. — Вот так совпадение! И вот кто разрывал обшивку корабля изнутри! И нет бы им всем предположить, что речь идет о кончине этого самого Спараюки! И почему всякое живое существо, даже двенадцати метров росту не считая хвостовых щетинок, не верит в лучшее?

— Я! Я верю в лучшее, — подбодрил меня вездеход. (Я конечно же уже надел шлем, и всепогодник легко читал все мои мысли.) — Когда-нибудь наступит счастливый день. На мирный труд в поля выйдут, как братья, и внедорожник, и легковик, а детская коляска будет резвиться в тени гигантского комбайна.

— Кажется, я знаю, где в это время будет космическая станция «Гуттенберг», — пробормотал я. Но все же улыбнулся. И даже нехорошо так, коварно улыбнулся.

Потом наклонился к яме и шепнул: «Спараюки!»

Пескожил взвизгнул и ввинтился в горную породу так, что через минуту из-под земли хлынул фонтан глубоководных артезианских вод.

А вездеход сразу влез под струю и стоял там, пофыркивая...

— Покупаем красного коня? Трогательно и живописно! — заметил кто-то, подобранный к нам неслышно и незаметно.

Кстати, вот вам верное доказательство того, что спрятать космический корабль в пустыне на малообитаемой планете совершенно невозможно. Сразу набегит толпа зевак, кто-нибудь снимет и утащит всю обшивку, кто-нибудь застрянет в орбитальном лифте, а остальные будут

ФАНТАСТИКА

слоняться у корабля просто так, бездумно, фотографируясь на его фоне и ломая голову над вопросом, на кой он им сдался.

— Спарауки, — повторил я от неожиданности и приподнял шляпу.

— Со-о, мо спарауемо марсиано! — расплылся в улыбке незнакомец, по виду богатый турист. Такие встречались в местных песках. Искали кости гигантских вымерших куриц, монеты времен Великого Пескожила. Теперь вот, видимо, разбитые венерианские корабли.

— Вы говорите по-марсиански? — удивился я.

— Да, — ответил тот. — Все детство провел на берегу одного из тамшних каналов. Прекрасное место, чудесный климат. — Тут он оскалил два ряда острых зубов, красно-бурых, как кирпичная кладка. — Но покупать партию марсианских игральные карты все равно не буду! Даже если на этой неделе цена на них упала до двух галлактических шиллингов за тонну. — Путешественник прикурил от золоченой зажигалки, затянулся и пустил к небу белую струйку дыма. — Вообще, при нынешнем развитии геодезии игра в марсианские карты давно уже потеряла свою привлекательность для по-настоящему азартного человека.

Он достал из жилетного кармана серебристый портсигар, задумчиво посмотрел на него и упрятал обратно в карман. Видно было, что тема разговора его сильно взволновала, и требуется пауза, чтобы успокоиться.

— Я сразу кладу трубку, когда слышу, что говорят по-марсиански. Но они наловчились прозваниваться даже туда, где вовсе нет телефона! — продолжал путешественник. — Представьте, сию себе недавно на берегу моря, любуюсь закатом. Волны набегают на берег. Музыка чуть слышная играет вдали. Легкий ветерок шевелит страницы книги. Поднимаю с песка раковину. Перламутр, белизна. Прикладываю к уху. Сначала шум моря, а потом «Ксиолото-нда! Соторопого галактические шиллинг фо котонозо...». Я ее тут же с размаху в море. Но вечер! Вечер безнадежно испорчен!

Мы с вездеходом переглянулись и решили, что дело можно считать закрытым. Нам все было ясно...

— И что же теперь будет? — воскликнул часом позже шериф, разливая по чашкам свой знаменитый почти-настоящий-чай. Вездеход-всепогодник тут же вылакал свою порцию и теперь сидел, умильно глядя на чайник и время от времени смущенно икая. Да, у лопухового чая была такая вот неприятная особенность. Он приводил к неудержимой икоте. Зато по вкусу напоминал спитой земной чай, листовых, конечно, сортов. — Марсианская реклама вездесуща. Пескожила заполонили школы космонавтики. Получается, что корабли теперь будут падать и падать?

— Смекалистый человек легко найдет решение любой проблемы, — начал я уныло, но тут меня прямо-таки оза-

рило. — И в самом деле! Я буквально вижу чудесное средство, вот здесь, в вашей комнате! Стоит его применить, и ни один космонавт не вздумает пугаться чего бы то ни было. Даже если из глубин космоса выплывет Гигантский Дремлющий Осьминог. Даже если мимо пронесется международная космическая станция «Гуттенберг», которой, по легендам, суждено упасть на головы обывателей ровно за семь минут до конца света. Храбрость льва — так это принято называть на некоторых планетах.

— Ну же, ну, говори! — отодвинули в сторону чашки шериф и вездеход.

— Все очень просто, — усмехнулся я. — Все дело в психологии живых существ, и только в ней. Простейшее и известнейшее средство излечить икоту — это испуг. Но такова природа любого разумного: тот, кто знает, что его — для его же пользы! — будут пугать, ничем не испугается, как ты ни старайся. — Я строго посмотрел на вездеход и шерифа. — А если кого-то раздражает капитанская икота, то на корабле никого насильно не держат. Капитану же она, может быть, вполне по душе. И главное, нечего его пугать, капитана. Он сам кого хочешь испугает и вылечит от чего угодно. — Я расправил плечи, как будто на них красовались погоны венерианского космолетчика. — То-то, детишки.

Да. Сила страха... В сущности, панический ужас способен возникнуть на пустом месте. Важно, чтобы это было довольно-таки зловещее и подозрительно пустое место.

Противопоставить же разрушительной силе страха можно только созидательную силу ума.

И так уж получилось, что умом на той планете мог похвастаться только я.

Нет, конечно, многие были и поумнее. Но просто они оказались не из хвастливых. А я, кроме того, еще и отлично знал человеческую натуру. В сущности, натуру любого живого существа, с хвостовыми щетинками или же в белоснежных перьях.

Заключение, которое автор помещает здесь потому, что всякая детективная история должна заканчиваться заключением. Длительным. Иногда пожизненным. Но в данном случае заключение будет кратким

— Ну, вот и все, — говорит Фоксельтас Свиттер, отирая рот рукавом и осторожно стряхивая с рукава крошки. — Вскоре после этой истории я, по случаю, на какой-то, как говорится, марсианской сезонной Ксиолото-нда купил подержанный космический корабль и покинул Планету Песков... Но сердце мое, — Фоксельтас вздыхает и смотрит на потолок едадни, — навеки осталось там.

— И это чистая правда, — ехидно замечает из своего угла Маруко, маленький робот-штамповщик.

